

ГЛАВА 20.

Для многих семей в нищей стране нет никакого выбора относительно того, переезжать ли им на заработки или нет. Будь то взрослый или ребенок, часто наступает такой момент, когда семья решает, что дополнительный доход – это крайняя необходимость. Крестьянские и сельские семьи обычно посылают своих дочерей, некоторым из которых по 9-10 лет, работать несовершеннолетними работниками или проститутками в банкокских заведениях (Ong, 1985 г.). Журнал Inbaraj (1988 г.) описывает огромное количество мигрантов, прибывающих на вокзал Бангкока. Исследование показало, что около 31 процента людей, мигрирующих в Бангкок – это дети в возрасте от 5 и 14 лет. Большинство приехало из бедных областей Северо-востока. Частные бюро по трудоустройству ждут их прямо на станции.

После двухнедельного путешествия по Таиланду Дадли Дэполито и Сои приехали забрать свой багаж и почту. Точнее, Дадли пришел ко мне один, пока Сои навещала своих друзей.

– С Днем благодарения, – сказала я ему. – Ты не взял с собой Сои на обед в честь праздника?

– Не-а, я каждый год ем индейку дома. Вот, возвращаю тебе статью, – сказал он, вручая мне статью Эрика Коэна, которую я давала ему почитать.

Коэн написал несколько статей о фарангах, которые влюбились в тайских проститутки. Он говорил о мучениях, которые испытывали эти мужчины, которые до конца не знали, были ли их женщины с ними из-за любви или из-за денег.

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросила я.

– Он описал много из того, с чем сталкиваюсь я и Сои.

– Например?

– Письма парней, которые посылают ей деньги, и возвращаются, чтобы навестить ее. У нее много таких «друзей», как она их называет.

– Кто они?

– Один из них – пятидесятилетний американец с женой и детьми. Он приезжал на неделю восьмого декабря, поэтому я не мог быть с ней в это время. Еще у нее есть толстый немец, который хочет на ней жениться. Но Сои не хочет ехать в Германию. Он также скоро приедет. Немец предлагает оплатить ей уроки английского. Я сказал ей соглашаться. Я бы и сам хотел обучить ее английскому алфавиту, чтобы она могла хотя бы правильно произносить слова. Ей также пишет тридцатитрехлетний бельгиец, который вернется в Таиланд на пару недель в феврале.

– Ей наверное сложно отвечать всем и отслеживать, кто и когда приезжает.

– Она жаловалась, что письма от немца слишком длинные. Что-бы перевести, ей приходится платить по 60 батов за каждое.

– Что ты думаешь об анализе Коэна? Это описывает вашу ситуацию с Сои?

– И да и нет. Сои относится ко мне не как к другим. Со мной ее связывают реальные чувства.

Дадли остановился и засмеялся.

– Именно так все и говорят, верно?

– Правда ведь трудно быть в отношениях с людьми, у которых ничего нет, тогда как у нас есть все? Я все время спрашиваю себя – а не ненавидят ли они нас за это?

– Джек не ненавидит тебя, я уверен. Я могу точно сказать, что рядом с тобой он искренне эмоционален.

– Да? Но как мы узнаем, воспринимают ли они нас как личностей, или же как родственников дяди Сэма?

– Я серьезно работаю над нашими отношениями с Сои. Я говорю ей, что у нас должны быть честные и открытые отношения. Правдивость будет сохранять наши души чистыми. Без искренности и доверия мы будем просто обманывать друг друга.

– Тайцы не понимают честность так, как мы. Показывая свои чувства и открытость, ты действуешь по западным понятиям. Идея быть верным и ожидать от других того же – это чуждо тайской культуре. Мы считаем себя индивидуалистами, а буддисты видят себя членами одной семьи, связанными как с прошлыми, так и будущими воплощениями. Кроме того, твоя «честность» противоречит их концепции кого-либо спрашивать, как им жить.

– Меня тоже далеко посылали с моими советами.

– С тобой такое тоже бывало?

– Тайцы не признают того, чего не знают или не понимают. Если бы они это признали, то для них это значило бы «потерять лицо».

– И что же, они предлагают жить по старинке? Но ведь это полная бессмыслица.

– Да, и они живут так. Поведение, которое мы сочли бы неправильным, они посчитают нормальным и вежливым.

– Я сказал Сои, что она должна говорить мне всю правду о своих клиентах. Так что, пока она это делает, у нас все хорошо.

– Я не думаю, что мы можем требовать от них честности и ожидать, что они будут идти вразрез с привычными установками. Ты правда думаешь, что она верит, что ты примешь все, что она делает на своей работе?

– Я принимаю это! Ну или вроде того. Я понимаю, почему она работает проституткой.

– Насколько серьезные твои намерения к ней? Ты планируешь остаться здесь навсегда?

– Я должен уехать в конце декабря, но я вернусь к ней. Мои родители послали мне билет в оба конца. Я должен был поехать домой давным-давно. Мой отец хочет, чтобы я вернулся. Они получают счета с моей кредитной карты. Единственное, чем они смогли заставить меня уехать, это прислать мне билеты. Туда и обратно, конечно же. Я бы не согласился, если билет был только в одну сторону.

– Что будет делать Сои, когда ты уедешь? Продолжит работать? Он пожал плечами.

– Все, что я больше всего хочу, это отдать ей мои сбережения, лишь бы она перестала работать проституткой.

Все путешественники, которые влюбились в тайских проституток, всегда сталкивались с этой проблемой. Интересно, все они, уезжая из страны, оставляют свою возлюбленную дальше заниматься торговлей телом?

– Ты отдаешь ей деньги?

– Целую кучу, но у нее есть долги. Того, что я даю ей, хватает только на выплату процентов.

– Как твой герпес? – спросила я с улыбкой.

– Сплошная хрень. От него одни проблемы. Я беспокоюсь, что из-за частого секса он может снова вспыхнуть. Если я чувствую пощипывание, то начинаю вести себя очень аккуратно и использую презерватив, чтобы уменьшить трение.

– В остальных случаях ты не пользуешься презервативами? А как же безопасный секс?

Немного смутившись, он усмехнулся.

– Я ненавижу эти штуки, ну ты понимаешь меня?

– Разве ты не боишься СПИДа?

– Я сдал тест на СПИД в Гонконге. Они обещали прислать результаты сюда, но еще не пришли. Я вынужден меньше заниматься сексом из-за герпеса. Иногда я полностью воздерживаюсь, когда чувствую покалывание. Приступ герпеса может продолжаться от семи до десяти дней. Теперь Сои и я занимаемся сексом только раз в день, а иногда даже пропускаем.

Этим же вечером я должна была встретиться с Джеком, в полдевятого вечера. Перед выходом из дома я посмотрела новости. Наводнение на юге Таиланда превратилось в национальное бедствие. Дождь не прекращался, и кинохроника показывала плачущих детей, сидящих под зонтиком в грязи. Семьи несли своих раненых родственников на кустарных носилках, и для всех не хватало мест. Улицы Хат Яй, большого города, были запружены водой, высота которой достигала два с половиной метра. Больницы затопило, не было электричества. Аэрофотосъемка на склоне показывала сели – потоки грязи, вызванные внезапным наводнением. Более трех сотен человек похоронило под слоем этой грязи.

Министр транспорта сообщил в эфире, что наводнение затопило все дороги двухсотмильного перешейка, соединяющего Таиланд с Малайзией. Сто миль железнодорожного пути были разрушены. Требовалось как минимум шесть недель, чтобы все восстановить.

О нет! Мой поезд на Пинанг! Как я получу новую визу? Она уже просрочена на два дня. Я собиралась сесть на тот самый поезд завтра. Надо позвонить в аэропорт, но я боюсь, что все рейсы в Малайзию и даже в Сингапур уже забронированы на два месяца вперед. Что делать?

Полчаса спустя я встретила Джека на его углу.

– Ты готов? – спросила я.

– Да. Куда мы идем?

– Я зарезервировала номер в Sheraton Royal Orchid.

– Оох! – воскликнул он.

Шератон был одним из лучших отелей в Бангкоке. Я знала, что он будет впечатлен. Мы пересекли Силом и взяли попутного моторикшу. Без включенного таксометра стоимость проезда нужно было обговаривать заранее. Я не думала, что это будет стоить хоть на один бат больше, если расплачиваться по счетчику, поэтому ничего не сказала. Я знала, что мы никогда не договоримся с водителем о стои-

мости. Что касалось денег, моя ситуация отличалась от той, когда фарангом был мужчина, а женщина тайкой. Тайская женщина по статусу поднималась до уровня фаранга. А женщина-фаранг должна была приспособливаться, опускаясь до статуса тайца, если конечно она не хотела взять на себя все бремя финансов. У меня не было фаранга-мужчины, готового пойти на это. И в тоже время я не могла сделать этого с тайцем, который не мог заплатить даже за моторикшу. Если бы я платила всегда за все, это изменило бы наши отношения.

Джек выглядел так, будто ему было неудобно, когда швейцар Шератона позволил войти нам и разместиться в просторном лобби.

– Все смотрят на меня, – заявил он.

– И что?

Он потряс головой и огляделся по сторонам, будто вор в ювелирном магазине.

В честь Дня благодарения я забронировала столик в кафе. Я была уверена, что цена в 350 батов с человека шокирует Джека. Цена обеда в любом престижном ресторане отеля заставила бы его содрогнуться.

Метрдотель показал нам на столик, где возле тарелок стояли накрахмаленные салфетки в форме розы. В глазах Джека читалось изумление, будто он увидел чудо. Когда он озирался на посетителей, то нервно ерзал.

– Ты был здесь раньше? – спросила я.

– Я приводил сюда девочку в гостиничный номер, но никогда здесь не был.

Обед в честь Дня благодарения был накрыт за отдельным столом, где было все включено в стоимость.

– Возьми немного клюквенного соуса, – сказал я ему, когда мы стояли перед индейкой.

– Что это? – спросил он, показывая на тарелку, которую нес официант.

– Начинка. Тебе скорее всего не понравится, потому что она с хлебом.

Официант добавил кусочек кукурузного хлеба, и я захихикала.

– И это тоже тебе не понравится.

Когда мы вернулись к столу, я сказала:

– Мамуля давала мне шоколадную индейку по утрам в честь Дня благодарения. Ты любишь шоколад?

Он скривился.

– Люблю, но не могу есть. Больно зубам.

– У тебя кариес? Тебе надо сходить к дантисту.

Джек опустил глаза.

– Разве ты не посещаешь зубного?

– Это стоит денег.

– Но ведь нужно регулярно его посещать, чтобы зубы не болели.

Он смутился. Скорее всего, он никогда не слышал о стоматологической бормахине.

– Мне скоро нужно будет удалить зуб, – сказал он.

– Зачем?

– Зуб плохой.

– Разве они не могут вылечить его?

Он пожал плечами.

Я вспомнила свое детство. Сколько же времени я провела у зубного, стоимость брекетов могла поддержать целую жизнь тайца.

– Как индейка? – спросила я.

– Хорошо.

– Безвкусно? – сказала я засмеявшись. – Ты можешь пойти и взять что-нибудь острое, если хочешь.

– Нет, все восхитительно, – сказал он, но когда его тарелка опустела, он вернулся к шведскому столу, чтобы взять тайской еды.

– Я застряла тут из-за наводнения, которое смыло железную дорогу в Малайзию, – сказала я, доедая тыквенный суп.

– Хорошо, что ты не можешь уехать.

– Ничего хорошего, они могут посадить меня в тюрьму.

Они действительно могли посадить в тюрьму людей, которые просрочили визы и не были в состоянии заплатить штраф. На Касан-Роуд висело объявление, где просили людей посетить иностранцев в тюрьме и принести им книг.

Большинство из этих людей арестовали из-за наркотиков. О случаях задержания из-за просроченной визы я не слышала.

– Внезапное наводнение это плохо, – сказал Джек.

– Что?

– Внезапное наводнение, – повторил он с улыбкой, видя мой смех. – Я сказал неправильно?

– Ты сказал «frash frood», а надо «flash flood». Очень забавно.

В Таиланде буквы «л» и «р» были взаимозаменяемыми почти везде. До моего приезда в Таиланд я никак не могла понять, как кто-то может перепутать два этих звука, но после того как сама однажды ошиблась, больше не сомневалась относительно этого. Даже если ты в курсе, что «л» и «р» взаимозаменяемы, никогда не

поймешь, как правильно использовать их, даже при том, что на письме есть явное различие. С «ф» и «л» было еще более сложно, потому что их не было в тайском.

– Fratch frod, – попробовал он еще раз вместо flash flood.

– Даже не близко.

Я думала, что его глаза выпадут из глазниц, когда он увидел счет. Я оплатила счет своей картой American Express.

– Оах! – сказал он, видя карту. – Одно время у меня тоже была American Express, но я ее лишился, когда у меня появились долги.

Мне трудно было в это поверить. Когда я впервые приехала в Таиланд, банк отклонил мою просьбу об открытии счета. Судя по всему, обычный таец не мог этого сделать, только крупные корпорации. Все остальные оплачивали счета наличными деньгами. Помня об этом, я была уверена, что получить кредитные карты было еще тяжелее.

– В один прекрасный день мы вместе поедem в Малайзию, – сказал Джек. – Сначала я должен оплатить долг. Пока я не сделаю этого, не смогу получить паспорт. Я хочу путешествовать с тобой.

Когда мы шли пешком обратно до Патпонга, он казался счастливым и игривым. Он рассказывал о карте American Express, которая у него была, и о том, как он развлекал своих друзей, задолжав по счету. С его слов именно поэтому сейчас он должен был работать на Патпонге. Я не верила его словам.

– Сегодня я видела Дадли Дэполито, – сказала я ему. – Он старается построить серьезные отношения с проституткой из Паттайи. Я же говорила тебе, что встретила ее там, помнишь? И о том, как она лгала Дадли по поводу количества ее детей, – сказала я и засмеялась.

– Иногда они врут, чтобы спасти жизнь, – серьезно сказал Джек, смотря вдаль.

Я внимательно посмотрела на него. Было видно, что мыслями он был очень далеко отсюда. Я упомянула о ситуации с Дадли, пытаясь сделать Джека союзником в моем исследовании. Вместо этого я почувствовала, что создаю фаранго-тайский барьер и Джек оказался по ту сторону.

За два квартала до Патпонга он отпустил мою руку. У меня возникло какое-то подспудное чувство, что своими рассказами он пытался что-то замаскировать. Может он боялся, что Дум поймает нас вместе? Она была где-то здесь?

Когда я покинула его, у меня возникли смешанные чувства. Мы прекрасно пообедали вместе, но, однако же, прошли два квартала, не держась за руки. Я чувствовала себя обманутой.

Он приехал снова, на следующую ночь, и как обычно, сделал меня счастливой, да так, что я забыла все свои тревоги.

– Почему это стоит у тебя? – спросил он, когда увидел бутылку с микстурой от язвы на коже.

– Это для тебя. Так твоя боль быстрее пройдет, – ответила я.

Мне захотелось купить ему лекарство, потому что не нравилось видеть, как он страдает, и

он, очевидно, не купил бы его сам. Он был тронут таким жестом и даже сделал один глоток.

– Почему ты любишь меня? – спросил он.

Я не была готова признать это, но ответила:

– Я не знаю.

– Тогда это действительно любовь. Если ты не знаешь почему, то это – любовь.

Он что, не считал себя привлекательным или у него был какой-то скрытый мотив?

На следующее утро я поспешила прочесть газету, чтобы узнать о наводнении.

Дождь на юге продолжался. Фотография на развороте показывала размеры бедствия: голодные бездомные люди гнездились под пальмами, а монахи тащили статуи Будды к возвышенности. Съемки с высоты птичьего полета показывали узорчатые тайские крыши, высывающиеся из воды, словно вершины айсбергов. Другая фотка показывала наполовину затопленные грузовики.

Как я получу свою визу? Примет ли Иммиграционная служба наводнение как уважительную причину моей задержки в стране? Я сомневалась в этом. Чиновники иммиграционной службы любили усложнять иностранцам жизнь.

Снова позвонил Алекс, весь в мучениях.

– Хой сбежала от меня, – завопил он в трубку.

– О нет.

Я виновато призадумалась, а не было ли это из-за того, что я не взяла ее с собой на праздник плавающих корзиночек?

– Ты ходил на пати к своему другу без нее?

– Нет. Я считаю, что этот день нужно проводить со своей подругой. Я не мог пойти туда один.

– У тебя есть еще какие-нибудь идеи?

– Нет, больше нечего сказать. Она просто сказала, что поедет в Паттайю на денек, но это было два дня назад, и я больше от нее ничего не слышал.

– А, это нормально. Не нужно волноваться. Она вернется. Вспомни, сколько времени она была в Убон? Это называется тайское время.

– Я думаю, что она ушла навсегда.

Несмотря на мои доводы, Алекс все равно пребывал в чернейшей депрессии, и я решила пригласить его на обед. К счастью, он принял мое предложение, и было видно, что он больше всего нуждался сейчас в общении с фарангом.

Он выглядел бледным.

– Я так подавлен, – сказал он. – Целый месяц у меня нет аппетита. А теперь еще Хой бросила меня!

– Звучит знакомо. Я была в аналогичном состоянии. У меня есть немного сыра камамбер.

А на обед я купила французский хлеб в кондитерской Dusit Thani и сыр из супермаркета «Робинсон».

Глаза Алекса просияли от такого разнообразия.

– Я реально не могу толком поесть уже долгое время, – сказал он.

– Куда, говоришь, уехала Хой?

– Она поехала к кому-то в гости в Паттайе. Она сказала мне, что там нет телефона, но я слышал, как однажды она сказала соседу, что телефон там есть. Хотя я не могу говорить на тайском, я понимаю некоторые слова, и знаю, когда Хой врет.

– Ты говорил ей об этом?

– Нет, ложь всегда остается без комментариев.

– Это именно то, что происходит и с Джеком. Я ЗНАЮ, что он лжет, но я не могу поймать его на этом. Кроме того, я, как фаранг, все понимаю и не могу жаловаться на мелкие проблемы, видя, что все тузы у меня на руках. А иногда я все же думаю, может я такая подозрительная потому, что я знаю, что его работа связана с обдуриванием фарангов. Я волнуюсь, что подозреваю его беспочвенно.

– Я очень переживаю за то, что моя мечта так призрачна, ведь я хочу вытащить из этого всего Хой.

– Вытащить из чего?

– Проституция. Бедность.

– Бедность как убийца. Они даже не могут пойти к дантисту.

– Это жутко нервнрует. Недостаточно помочь только Хой, у нее еще есть отец и племянница Ах. Я плохо себя чувствую из-за всех них.

– Наверное, тяжело оказаться в такой ситуации. Хой нашла себе работу? – спросила я, помня, как она противилась этой идее.

– Я нашел для нее работу официанткой. Для этого ей нужно было купить розовую одежду, и я купил ей. Но когда настал тот день, и ей нужно была выйти на работу, она отказалась.

– Мне кажется, что эта работа не может сравниться с Патпонгом, – сказала я.

– Я так старался дать ей прекрасное будущее. Ничего не получается. Я хотел записать ее на уроки по машинописи, но ей не интересно. Я купил для нее атлас и книги по тайской истории, но она даже не взглянула на них. Я попытался выучить ее алфавиту, но она сказала мне, что я слишком много думаю.

– Мне другие люди говорят то же самое, – сказала я, засмеявшись.

– Она грубая. Однажды она ударила кулаком полицейского в живот. Полицейский просто заходил в комнату. Я вежливо стоял и ждал, а Хой ударила его кулаком. Я не думаю, что она сделала это сознательно. Просто так случилось.

– Если ты вырос в Исан, тебе уже не до вежливости.

– Когда Хой обнимает меня и целует, она делает это как-то неуклюже. Особенно это смущает, когда она делает это перед людьми. Танцует она некрасиво, хотя и любит ходить на тайские танцы.

– Вы ходите на танцы? – я улыбнулась и покачала головой.

– Да, там мужчины покупают венки из цветов и надевают их женщинам в качестве оплаты за танец с ними. Они танцуют в стиле Исан под их деревенскую музыку, которую бангкокские люди считают примитивной. Я думаю, что Хой нравится это, потому что она считает себя выше уровнем по сравнению с другими женщинами. Хой сама вешает цветы на девочек и танцует с ними.

– Что имел в виду твой друг, когда отказался приглашать ее на свою вечеринку?

– Все отзываются о ней просто ужасно и советуют мне ее бросить. Тайские мужчины ненавидят женщин Патпонга, называя их ленивыми и чересчур независимыми. Тайцы жалуются, что им всегда нужно слишком много денег. А мои тайские студенты говорят, что темная кожа грязная. Я не разрешаю Хой приезжать ко мне на работу.

– Я считаю ее замечательной.

– Правда, считаешь? – спросил он с благодарностью в глазах.

Он многое вложил в эти отношения, и ему хотелось слышать приятные слова в адрес своей женщины.

– У нее есть свое собственное очарование, – начал рассказывать Алекс. – Она красива и забавна. Я хорошо провожу время с ней. Иногда она очень забавная, но и очень проблемная. Я думаю,

что она иногда продает мои вещи из квартиры. Мой перочинный нож пропал. Плеер моего соседа исчез. Я начал замечать это, когда мы путешествовали по Северу с одним немцем. Однажды он сказал мне, что у него исчезло 500 батов, и он решил, что это Хой взяла их. Я был возмущен, отрицал это и с уверенностью доказывал, что она не делала этого. Так вот, в прошлом месяце она призналась в этом!

– Ты теперь работаешь полный рабочий день?

– Я мало зарабатываю.

Он сделал паузу и посмотрел на меня со странной улыбкой.

– Чтобы получить достаточно денег, в следующем месяце я думаю продавать себя богатым пожилым женщинам.

– Ты хочешь спать с ними за деньги?

– Многие мои студенты старшего возраста проявляют интерес ко мне. Может, я смогу найти себе тайского сутенера, или работать на якудзу. Слыхала о них?

– Японская организованная преступность. Ты же НЕ ХОЧЕШЬ связываться с ними? Почему ты не хочешь пойти в агентство эскорта, они нашли бы тебе клиентов?

– Я не интересуюсь гомосексуалистами.

– Они могли бы сводить мужчин с женщинами. Но я думаю, что ты просто хочешь преподать хороший урок для Хой.

– Возможно, если я начну продавать свое тело, это сблизит меня с ней.

– Ладно, забудь якудзу.

Заглянув в свою коллекцию рекламных объявлений различных эскорт-агентств, я нашла одно с названием Playboy Entertainment.

– Вот, послушай-ка, – начала читать я. – «Для путешественников и бизнесменов. У нас есть самые красивые, очаровательные и дружелюбные гиды. А так же леди всех возрастов на любой вкус. Эскорт из Европы, Америки, Испании и Филиппин. Есть специальный эскорт, как для мужчин, так и для женщин. Специальное предложение! Тайские модели и кинозвезды. Осмотр достопримечательностей и шопинг. Аренда автомобилей».

Я показала ему страницу.

– Вот, смотри – «мужской эскорт для женщин».

Взяв у меня ручку, Алекс переписал себе их номер телефона.

После того как он уехал, я подумала: «Интересно, кто кого у них изменит?»